

Из «Песен Лемноса»

I
 Ой, забудешь меня, забудешь,
 С корабля ладонью помашешь!
 Ой, глаза у тебя не наши —
 Как маслины блестят на блюде!
 Да и рот у тебя накрашен...
 Да и смотришь не так, как люди...
 Ну тебя к растакой мамаше —
 Может, слгзайши, может, засудиш,
 Может, зубы вонзишь, как в студень,
 Да и высосеши до костяшек...

II
 Тенями, богинями,
 Звездами клянусь тебе:
 Пуще стереги меня,
 Верную жену свою!
 Затемно и засветло,
 В будни и в торги
 Пуще, чем глаза свои,
 Плешь побереги!

Где-то под ребрами.
 Вгонит в любой кураж
 Горсточка проса!
 Есть на Земле беззаконнейшая
 из краж:
 Вечно без спросу.

Есть между зелий, пьянящих
 сильней вина,
 Сок галаадский...
 Друг! Потягаемся славою, выбор наш:
 Смерть или ласка?

Чутко ступая, клыкки на любую молевь
 Щеря по-волчьи,
 Друг, поравняемся главами?
 Выбор мой —
 Вслух или молча...

Но состязаясь в уменье молчать,
 как тень,

Цепь наших дней — или цепочка
 на двери? —
 Меня ничем не привлекли бы
 эти пальцы,
 И этот голос — ничего не говорил.

Мелькнула тень... Из двери в дверь
 промчался ветер...
 Из уст в уста перелетела
 пара слов...
 Мой друг, поверьте, меньше вас
 и всех на свете
 Могу сказать, что в этот день
 произошло!

Ни корабля с безликкой тенью
 у штурвала,
 Ни колесницы о двенадцати конях...
 Мой друг, поверьте, я вас вовсе
 не желала —
 Я знала твердо то, что вы
 не для меня!

Но в час вокзалов, что меняют
 распасанья,

Но у причала,
 где пылают корабли,

Вы были молоды —
 так молоды, что сами,
 Все понимая, удержаться не смогли.

Не укол yourself
 о невидимый терновый,
 Никто не минул этот
 сумеречный час...
 Мой друг, поверьте мне, мы оба
 невиновны,

Но кто нас спрашивал —
 и что нам отвечать?

Старо как мир? А ты попробуй,
 справься.
 Попробуй, стиснув зубы. Разорви
 Кость с мясом.

Все безумие в крови? —
 Кровь выпусти! Всех жил
 самоуправство —

Под корни! Потягайся: кто сильней?
 Не думай. Не дыши, не плачь,
 не помни.

Посмейся над своим
 дыханьем томным,
 Дурман, жасмин и вздохи при луне —

Все пошло, все старо.
 Чернильный дождь свой
 Не проливай: вода, вода, вода!
 Так было, вст и будет. Так всегда.
 Так надоело. Ты не попадешься.

Ты не из тех. И разве для того
 Тебе вложил сердце, дали голос?
 Ах, голос!
 Беспредметная пригодность,
 Невероятных звуков востовой,

Он при тебе еще! Какого черта
 Как водовоз, на собственном горбу
 Тащить с собой
 в бессмертиях гробсбух
 Измен, обид и подлостей бессчетных,

Которыми заплачено с лихвой
 За встречи, свечи, плечи, ночи, очи?
 И ты не можешь больше. Ты не хочешь.
 Удел неисчислимых — но не твой.

Ты все порешешь. Тут не о чем писать.
 Сюжет избит (О да! Ни кости целой!)
 Подобным излишням знают цену
 Архив, бульвар, сортир и небеса.

Старо как мир, как самый подлый
 трюк, —

Ни говорить тут не о чем,
 ни думать...

Тут можно лишь к висту
 приставить дуло

Иль отыскать в стене
 надежный крюк.

В ЧАС ВОКЗАЛОВ...

И за то, до чего бы гадалики
 не догадались,
 Обведя твою руку агагами
 влажных зенок,
 И чего бы не знал Казотт,
 ибо сей страдалец
 Предсказал королеве плаху —
 но не Ферзена;

И за то, что на склоне лет
 на меня проруха
 Обрелась — на потеху
 всего мирового панства;
 И за то, что ты сам
 под мою ледяную руку
 (На твоей груди — пламенеющую!)
 попался;

И за то, что настолько
 с тобою сошлись годами,
 Как земля с небесами находится
 по соседству;
 И за то, что при легкой Господь
 наделил Адама —
 Для чего, непонятно, —
 четырехкамерным сердцем;

И за то, что по слову поэта,
 крылья голубки
 Надо сердцу, чтоб очутиться
 в чужой ладони;
 И за то, что при первом звонке
 в телефонной трубке
 Раздалось: «Привет, это я»,
 а не «Настя дома?»;

И за то, что гулять по свету
 таким глазастым
 Надо было бы с ярлыком
 «не трогать руками», —
 Без суда и без следствия ныне
 бессечно заперт
 В гулких стенах всех четырех
 моих камер.

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ

Из «Митиленских песен»

Пред тобою, владыка сильный,
 Посейдон, повелитель сини,
 Наземь ладаю. Не посуетуй:
 Не за то, что коварней всех ты;

Что, начало всему, что суще,
 Правильно морем, колеблешь сушу;
 Что весь мир пред тобою — оземь;
 Что силен, господин, и грозен;

Не за то, что коней склоненных
 Выли — волны — превыше неба;
 Не за то, что числа и сметы
 Сам не знаешь им — не за это;

Не за тайны, что мир не знает;
 Не за бездны, которым дна нет;
 Не за то, что смерть в твоём зеве,
 А за то, что отец — Тезею!

Сторожи над пропастью
 Ткань мою и тень мою:
 Уж растут-торопятся
 У тебя на тёмени —
 Всю родню высветывай,
 Ставь под паруса! —
 ...Знатные, ветвистые,
 Мужнина краса!

Прелый лист подсушенный
 Всклапывай копытами,
 Не дремли — подслушивай,
 Не зевай — выпытывай!
 Семь замков немислимых
 К каждому окну! —
 Все равно не выследишь,
 Как улепетну.

Из «Песен вольного племени»

Здравствуй! Какие взрастили
 тебя края?

Дали морские?
 Родом из Лакедемона, дитя? — А я —
 Из Фемискиры.

Хватки моей разомкнуть —
 не найдешь ножа;
 С мясом придется!
 (Матери в детстве обоих

учили сжать
 до крови десны...)

Вскинув глаза, полыхающие от войн,
 Злье в охоте,
 Хочешь, сочтемся оружием?
 Выбор твой —

Меч или когти?

Здесь, на краю Ойкумены, на валунах
 Пенной Колхиды —
 Хочешь, померимся силами?
 Выбор наш:

Сталь или хитрость?

Ты — свои челюсти, я —
 свою лисьью пасть
 Стиснем, товарищ?
 (Матери в детстве обоих учили —
 красть

Не признаваясь!)

Так, через пальцы песком упустив года,
 Царства и тени, —
 Мильи! Того, что украдено, —
 не отдам.

Ставь на потерю

Крест, потому что теперь
 не найдешь с огнем.

Выслушай сказ мой:
 Есть ненасытная проголодь

день за днем:
 Вечные спазмы

До почернения,
 Лакедемонянин! Бойся моих когтей:
 Закончатся —

Век не избавишься. Знал бы,
 во что ты выяз,

Юный безумец!
 (Матери в детстве вот так
 обучали льята:

Жив, значит, зубы

Стиснуты. Перед такими клыкками —
 грош

Сталь боевая!
 Лакедемонянин, если меня убьешь —
 Ибо живая —

Пусть даже они затмились
 и веки льдом

Отяжелели —
 Не выпускает добычи шальная дочь
 Пентэзелю —

В серой пустыне, в сиянии
 пленных брызг,

В горе и в танце
 Вспомнишь лисенка, что сердце
 тебя прогрыз,

Отрок спартанский!

Минет век анфилайдой комнат,
 Пронесется дней карусель...
 Если сохну — никто не вспомнит,
 Ну, а ежели вспомнят — все,

(Все бывало во время оно;
 Плюс на минус — выходил плюс!) —
 Пусть задают мои Фаоны,
 За кого из них утоплюсь!

Вы слишком молоды — а я живу
 на свете,

Уйдя в минувшее семь тысяч лет
 назад...

Какой охотник на меня
 расставил сети,

Избрав приманкой
 эти странные глаза?

Какой соперник мне в бою
 оставил коготь,

Как метку Сигурда, у правого плеча?
 Я никогда не полюбила бы такого,
 Но кто нас спрашивал —
 и что нам отвечать...

Когда бы в обличье сидящего напротив
 Нам дозволялось никого
 не узнавать, —
 Меня едва ли соблазнил бы
 этот профиль

И эта узкая, как профиль, голова.

И в самый выморочный час —
 не расклепайся